

РУССКИЙ ХАРБИН: ОПЫТ СОХРАНЕНИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ РОССИИ (20—30-е годы XX в.)

Лариса Михайловна ГАРАЕВА,
старший преподаватель Института
Восточной Азии МГУ г. Владивостока

Духовное воспитание — центральный стержень педагогики Российского зарубежья, одна из задач которой — сохранение в условиях «иной культуры» культуры традиционно русской. И хотя сегодня наша культура не в изгнании в прямом смысле слова, но социально-экономические условия таковы, что стремление к западным экономическим идеалам неизменно привело к распространению чуждых традиционным представлениям о русской духовности и нравственности образцов культуры и поведения. Обращаясь к современным проблемам педагогики, можно утверждать, что наука педагогика имеет пространственно-временные связи. «Педагогами Российского зарубежья была разработана методология возрождения русской школы в условиях социокультурного кризиса, которая тем более ценна для нас сегодня, чем она более соотносима с нашей нравственной возмужалостью и чем гармоничнее укладываются в нее современные педагогические приобретения», — заявляет руководитель проекта Российской академии образования по исследованию научно-педагогического наследия российской эмиграции в 20—50-е годы («первая волна» эмиграции)¹.

Российской академией образования поставлена задача исследовать педагогическое наследие российской эмиграции в едином цивилизационном пространстве в неразрывной связи с многовековой историей России и ее культуры. Свидетельством актуальности постановки проблемы явился тот факт, что тема развития российского образования и педагогической мысли в пространстве зарубежья была включена в план важнейших научных исследований РАО на 1996—1999 гг.², которые предполагали изучение различных типов русского дошкольного, школьного, высшего и внешкольного образования, теории и практики обучения и воспитания, факторов и условий становления русского образовательного пространства в зарубежье, общественно-педагогического движения эмиграции. Работы на эту тему свидетельствуют о сформировавшемся в первой половине XX в. научно-педагогическом

пространстве, создававшем единое поле интеллектуального притяжения и развития теории и практики школьного дела³.

Следует определить предмет исследования научно-педагогического пространства в Восточной Азии и степень его изученности в общей постановке проблемы. Наследию восточной ветви Российского зарубежья уделено внимание современной исторической наукой; историография вопроса подробно освещена в работах Э.В. Ермаковой, Л.Ф. Говердовской⁴. Изучение восточной ветви Российского зарубежья проявилось, с одной стороны, в выделении проблемы образования в эмиграции как масштабного и многомерного объекта исследования; с другой — научно-просветительский аспект проблемы пока остается недостаточно изученным и не имеет сравнительно-аналитических характеристик в масштабах единого педагогического пространства российской эмиграции.

Детская и юношеская эмиграция нуждалась в социальной и педагогической защите. Забота и тревога о судьбах подрастающего поколения объединяла российскую интеллигенцию на всем пространстве ее рассеяния. Развитие русскими учеными концептуальных основ в области детской психологии, педологии и религии сочеталось в условиях эмиграции с педагогической практикой. За пределами России возникла своя система национального образования: русская начальная и средняя школы, высшие учебные заведения, внешкольные учреждения и детские сады, приюты и профессиональные школы, обеспечивавшие социальную защиту детей, оказавшихся волею судьбы за границей.

Отражением педагогической мысли в эмиграции стали специализированные периодические издания: в Праге выходил журнал «Русская школа за рубежом» (1923—1931); в Берлине педагогический журнал «Вестник самообразования» (1923—1924); в Париже — «Религиозно-педагогический бюллетень» (1928—1936), в Словакии — «Русская школа» (1926—1931) и др. Русский Харбин имел все элементы единого педагогического пространства Российского зарубежья, оставаясь специфической составляющей Востока. В Харбине выходит журнал «Просветительское дело в Азиатской России» (с 1913 по 1918 г.); с 1922 г. его преемниками стали «Вестник Маньчжурского педагогического общества» под ред. проф. Н.И. Никифорова и журнал «Вопросы школьной жизни» (издание Союза учителей КВЖД). Страницы этих изданий запечатлели дискуссию о характере педагогики как науки, участниками которой были представители российской диаспоры независимо от политических взглядов и стран рассеяния.

Из всех русских эмигрантских диаспор следует особо отметить маньчжурскую, судьба которой далеко не типична. Специфику жизни в отдаленном маньчжурском крае определяла многоплановость и отсутствие специализации в научной деятельности русских ученых, повышенный удельный вес молодых людей в возрастной структуре, высокий образовательный ценз педагогов. Являясь продолжением базовой основы

российской дореволюционной системы образования и составляющей сложившегося единого научно-педагогического пространства Российского зарубежья, развитие школьного дела в Харбине имело свои особенности. Прежде всего русская школа в Харбине сложилась значительно раньше начавшегося исхода первой волны беженцев из России. Российские эмигранты расселялись в зоне Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), администрация которой щедро финансировала деятельность учебных заведений Харбина.

Начало развития школьного дела было положено 6 декабря 1898 г. открытием первой русской школы, заведовать ею пригласили учителя из России И.С. Степанова. Деятельность первого учителя не ограничивалась элементарной учительской практикой. Он разработал первый русский букварь, явившийся одновременно и первым печатным изданием в Харбине; с выходом на пенсию в 1920 г. И.С. Степанов стал активным участником организации Общества изучения Маньчжурского края. К началу 1906 г. в Харбине было 12 начальных школ с 1460 учащимися и 38 преподавателями⁶.

Идея открытия женской гимназии в частном порядке в г. Харбине возникла у супругов Гнездеровых. М.С. Гнездерова, русская дворянка, окончившая Бакинский девичий институт, преподавала русский язык в Батумской гимназии (1884—1897). По сложившимся обстоятельствам ей пришлось сопровождать мужа в Сибирь, куда он был выслан за политические убеждения. В г. Енисейске она продолжила свою педагогическую деятельность.

Строительство КВЖД привлекло в Маньчжурию многих русских, пожелавших трудиться и пропагандировать русскую культуру. Супруги Гнездеровы увлеклись этой миссией, и после долгих хлопот с их участием в Новом городе открылась 6-классная прогимназия в составе 6 преподавателей и 38 учениц. В 1904/1905 учеб. году школа была преобразована в полную 8-классную женскую гимназию, которая в 1906 г. перешла в ведение Министерства народного просвещения и причислена к Приамурскому учебному округу на началах самоокупаемости⁷.

В 1906 г. была открыта женская гимназия М.А. Оксаковской в составе трех подготовительных и трех основных классов (всего 35 учениц). М.А. Оксаковская окончила Московский Николаевский сиротский институт с золотой медалью, практикуя в Москве, имела свой детский сад, подготовительную школу и женскую гимназию. Женская гимназия Оксаковской в Харбине строилась по типу классической гимназии, а дореволюционные черты сохранялись на протяжении всей ее истории. В 1907 г. группа друзей М.А. Оксаковской предложила взять гимназию под покровительство общественности, организовав «Общество распространения среднего образования». В 1908 г. гимназия получила права правительственных гимназий Министерства народного просвещения

и причислена к Приамурскому учебному округу. В 1909—1910 гг. в гимназии обучалось 319 учениц; в 1917—1918 гг. — 969. В 1935 г. женскую гимназию и три основанных М.А. Оксаковской учебных заведения (вечерняя гимназия, 1-е мужское реальное училище, вечерние курсы) взяло под свое покровительство «Общество старожилков города Харбина и Северной Маньчжурии»⁸.

В 1906 г. при Управлении КВЖД был учрежден Учебный отдел и широко развернулась учебно-образовательная, внешкольная и культурно-просветительная работа. В 1913 г. появилось первое в г. Харбине Маньчжурское педагогическое общество по инициативе начальника Учебного отдела КВЖД Н.В. Борзова. К 1916 г. на КВЖД насчитывалось 19 начальных школ для детей русских служащих, обучение первоначально было платным; увеличилась также сеть средних учебных заведений.

В 1920 г. было организовано «Общество по учреждению Русско-китайского техникума в городе Харбине», возглавил которое генерал-лейтенант Д.Л. Хорват. Занятия в новом учебном заведении начались 18 октября 1920 г. 2 апреля 1922 г. русско-китайский техникум был преобразован в РКПИ (Русско-китайский политехнический институт), первое в Харбине высшее техническое учебное заведение. «В Маньчжурии русские ученые не пользовались никакой правительственной поддержкой, но при помощи местной общественности создали русские высшие учебные заведения в Харбине, давшие им возможность продолжать и научно-педагогическую, и научно-исследовательскую работу... В силу местных условий эти учебные заведения не имели чисто эмигрантского характера»⁹, — отмечал активный деятель развития русского образования и науки в г. Харбине.

В Европе эмигрантские школы первоначально (1917—1920) возникали стихийно, без плана и руководства. Рассеяние беженцев по странам препятствовало установлению связей между школами, координации их деятельности. «Состав русской ученой эмиграции был случаен; различные области науки были представлены в ней неравномерно; пополнение ее рядов происходило различными путями и в разное время; распределение русских ученых по разным странам также носило случайный характер, условия работы были различны: в некоторых странах (Соединенные Штаты, Болгария, Югославия, Латвия, Эстония, Литва и др.) русские ученые привлекались к работе в национальных высших учебных заведениях; в других — они лишь пользовались некоторой поддержкой, но могли создавать русские высшие учебные заведения за границей (Франция, Чехословакия, Германия)... центры русской научной эмиграции оказались в разных условиях. Отсюда невозможность создать общую организацию и выработать план систематической работы»¹⁰.

Оценивая события минувших лет, исследователи утверждают, что центрального органа, корректировавшего деятельность русских учебных заведений в едином пространстве Российского зарубежья, создано

не было. Тем не менее, в 1920—1921 гг. в различных странах возникали общественные организации, ставившие своей целью заботу о детях-беженцах. Во Франции, Чехословакии, Финляндии появляется Объединение земских и городских деятелей; в Эстонии и Латвии — комитеты русских эмигрантов, в Польше — Русский попечительский комитет. В 1921 г. в Париже возник объединенный Всероссийский земский городской комитет (Земгор), объединяющий и финансирующий учебную и культурно-просветительную деятельность среди детей и молодежи на местах. Русские педагогические общества действовали в Белграде, Берлине, Праге и в других городах¹¹.

В Харбине с конца 1920 г. действовал Союз учителей КВЖД, ставивший перед собой только педагогические и профессиональные задачи: содействовать развитию дела народного образования, защищать экономические и правовые интересы учащихся, честь и достоинства учителей как корпорации¹². Под патронажем КВЖД на территории Особого района Восточных провинций с 1924 г. действовали Комитет образовательных учреждений (председатель проф. Г.К. Гинс, секретарь проф. Н.И. Никифоров) и Комитет по делам высших и специального типа учебных заведений (председатель Н.Л. Гондатти). Вопросы учебно-воспитательные и профессионального образования решались комитетами коллегиально. Просветительная работа велась по четырем направлениям: школьной, дошкольной, внешкольной деятельности и профессионально-технического образования. Весомую поддержку со стороны общественности Комитет образовательных учреждений имел в лице районных школьных комитетов, на них возлагалась забота о хозяйственных нуждах школ (благоустройство школьного общежития, сметы на предстоящий год, малообеспеченные учащиеся и др.)¹³.

Действовавшие в эмиграции научно-педагогические общества содействовали развитию школьного дела и работали в едином ключе сформировавшегося научно-педагогического пространства. Наиболее соответствующим был признан универсальный тип восьмиклассной гимназии. Большинство русских школ придерживалось программ, разработанных Министерством народного просвещения в 1915—1916 гг. Однако в условиях эмиграции перед педагогическим коллективом встала острая необходимость разработать программы, отвечающие задачам адаптации молодежи к местным условиям проживания, прежде всего изучению языка страны проживания.

В октябре 1921 г. в Праге прошел съезд русских академических организаций, принявший решение об объединении их в единый союз, цель которого — открытие национальных учебных заведений для подготовки педагогических кадров для будущей России. В апреле 1923 г. в Праге состоялся Первый всеэмигрантский педагогический съезд, на котором было создано «Объединение русских учительских организаций за границей». Направляющую работу по унификации программ и приобщению

их к существующим условиям с 1923 г. стало вести педагогическое бюро по делам средней и низшей школы за границей, созданное по инициативе В.В. Зеньковского. Вопросы выработки программ рассматривались на педагогических съездах, пленумах педагогического бюро, заседаниях программных комиссий, в которые входили такие видные в Европе ученые, как В.В. Зеньковский, С.И. Гессен, А.В. Жекулина, Н. Лосский, Е.П. Ковалевский¹⁴.

Союзом учителей КВЖД тоже была проведена значительная работа по совершенствованию учебного дела: скорректированы программы высших и низших начальных училищ КВЖД, между школами одного типа, приведены к единообразию учебные планы, повышены требования к качеству преподавания. В харбинских учебных заведениях вводились трудовые элементы, а низшие и высшие начальные училища КВЖД были преобразованы в школы I и II ступени. Правление Союза настояло на открытии школ III ступени. В области внешкольного образования Союз учителей КВЖД при поддержке Учебного отдела осуществил ряд инновационных мероприятий: созданы подвижные библиотеки, вагоны-библиотеки, организован подвижной кинематограф и при нем — Комиссия по подбору и систематизации картин, учреждались летние детские колонии для учащихся городских школ КВЖД¹⁵.

Действовавшие педагогические общества г. Харбина возглавляли выдающиеся общественные деятели и лучшие представители научной элиты: директор Высшей народной школы Ф.К. Мухачев; директор Приют-училища К.И. Подольский, Общество российских педагогов возглавил основатель Педагогического института и его директор проф. С.В. Кузнецов¹⁶. Для Комитета русских образовательных учреждений в Маньчжоу-Ди-Го был разработан новый проект Положения комитета при участии проф. Н.И. Никифорова, проф. Г.К. Гинса, поэта и литератора Л.В. Барташева, председателя Харбинского комитета помощи русским беженцам В.И. Колокольникова. В состав Комитета вошли общественный деятель, юрист А.Н. Покровский, В.А. Шалобанов, педагог-словесник, директор гимназии им. Ф.М. Достоевского В.С. Фролов¹⁷.

Известный в эмигрантских кругах своей издательской деятельностью В.В. Руднев принимал активное участие в издании знаменитых «Современных записок» (Париж, 1920—1940); «Русских записок» (Париж, 1930—1938) и др. Как член Комитета Земгора по оказанию помощи российским гражданам за границей Руднев более 10 лет занимался «попечением о нуждах русской школы»¹⁸.

Проблемам молодежи посвятил свою деятельность крупный специалист в области экономики, бывший министр торговли и промышленности в кабинете С.Ю. Витте М.М. Федоров; его можно было назвать «отцом русского студенчества» за рубежом¹⁹.

Церковно-общественную деятельность возглавил религиозный философ, психолог В.В. Зеньковский. В 1923 г. состоялся съезд русских

эмигрантских кружков молодежи, который положил начало Русскому студенческому христианскому движению, в котором приняли участие и интеллигенты всех возрастов. Председательствовал в нем с 1924 г. В.В. Зеньковский²⁰.

Всемерно способствовал организации студенческого дела в Европе молодой историк и библиограф П.Е. Ковалевский. Инициатор создания христианских и православных студенческих кружков, объединившихся в Русское студенческое христианское движение (РСХД), Ковалевский принимал активное участие в работе Центрального комитета по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей²¹. В Русском студенческом христианском движении заметными фигурами были религиозные философы С.Л. Франк, Н.А. Бердяев, историк и богослов Г.П. Федотов, известный философ, юрист, член Общества евразийцев Б.П. Вышеславцев и др.²²

В едином интеллектуальном притяжении научно-педагогического пространства оказались русские молодежные академические объединения в Китае. Действовавший в Харбине Христианский союз молодых людей призван был дать достойное образование и воспитание юному поколению российских эмигрантов. Для этого была создана целая система, включавшая в себя сеть воспитательных и образовательных учреждений: детский сад, курсы дошкольного воспитания, гимназию, колледж, институт, библиотеку, а также сеть кружков и научных обществ, призванных формировать облик молодого поколения русских эмигрантов, сохраняя национальные православные традиции. Это направление курировал специально созданный при ХСМЛ образовательный отдел во главе с А.А. Грызовым.

Среди российских научных организаций видное место занимал клуб естествознания и географии ХСМЛ, созданный по инициативе ряда русских исследователей. Деятели науки с мировым именем, например ученый-геолог А.А. Анерт, уделяли внимание работе с молодежью. Под их руководством молодые люди вели научные исследования, собирали коллекции для музея и библиотек, принимали участие в международных научных конгрессах. Как выражение деятельности ученых с молодежью работала Национальная организация исследователей скаутов и вожатых-пржевальцев, возглавлял которую выдающийся деятель науки В.В. Поносов²³.

Незаменимую и своевременную помощь выпускникам вузов Северной Маньчжурии оказывало Дальневосточное объединение русских, окончивших высшие учебные заведения за рубежом (ДальОРОВУЗ). Руководил объединением проф. Харбинского юридического факультета Н.Е. Эсперов, его активно поддерживали Б.С. Румянцев, Б.В. Варламов, М.М. Покровский²⁴.

Связующим звеном Российского зарубежья стали Русские академические группы морально-этической и научной консолидации в Герма-

нии, Чехословакии, Польше, Болгарии, Югославии, США. Такая группа в Харбине активно содействовала решению поставленных научной консолидацией задач, возглавлял ее профессор кафедры римского и торгового права Г.К. Гинс²⁵.

В едином интеллектуальном пространстве зарубежья русские академические группы оказывали материальную поддержку ученым и студентам, решали задачи финансирования научных проектов и изданий, содействовали организации ученых советов по защите диссертаций. Благодаря деятельности Парижского и Пражского ученых советов в 1920—1930-е годы ученых степеней были удостоены многие известные в эмигрантской среде исследователи, в том числе представители научной элиты маньчжурской диаспоры М.В. Абросимов, Г.К. Гинс, Н.Е. Эсперов, В.В. Энгельфельд, Н.И. Никифоров и др.

Наши соотечественники вне зависимости от страны проживания создали уникальный пласт наследия отечественной науки, сохранившийся в межцивилизационном пространстве. Их деятельность, направленная на оздоровление общества в условиях социокультурного кризиса, поставленные и решаемые ими научно-педагогические задачи актуальны и приемлемы в современном российском обществе. Оказавшись вне России, эмигранты стремились продолжить духовное творчество русской нации для будущих поколений. Г.П. Федотов в статье «Зачем мы здесь» писал: «Быть может, никогда ни одна эмиграция не получила от нации столь повелительного наказа — нести наследие культуры... чтобы восстановить полифоническую целостность русского духа... чтобы стать живой связью между вчерашним и завтрашним днем России».

¹ Осовский Е.Г. Социокультурные и исторические факторы развития педагогической мысли в российском зарубежье (20—50-е гг. XX в.) // Образование и педагогическая мысль российского зарубежья: 20—50-е годы XX века. Саранск, 1997. С. 7.

² Информационный Бюллетень по педагогическим наукам и народному образованию. Режим доступа: «<http://gws10.ipk.edu.yar.ru/resource/info/library/bib11/bib11.html>»; 15.09.06

³ Пашуто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992; Жернакова Н.А. О русской академической группе в США и о ее «Записках» // Культура Российского зарубежья. М., 1995; Петрушева Л. Отцы и дети русской эмиграции // Дети русской эмиграции. М., 1997; Осовский Е.Г., Левкина В.А. Русская высшая школа и студенчество в эмиграции (20—40-е гг. XX века) // Педагогика. 1999. № 4. С. 95—102; Постников Е.С. Студенчество России и проблемы получения высшего образования в эмиграции: Культурная миссия российского зарубежья: прошлое и современность: сб. статей. М., 1999; Курамина Н.В. Высшая школа в зарубежной России. 1920—1930-е гг. М., 2003 и др.

⁴ Ермакова Э.В. Дальневосточная эмиграция в отечественной историографии / Россияне в Азиатско-Тихоокеанском регионе: сотрудничество на рубеже веков // Материалы 2-й Международной научно-практической конференции. Владивосток, 28 августа—3 сентября 1999 г. Владивосток, 2001. С. 384—394; Говердовская Л.Ф. Российская эмиграция в Китае: историография и источники. М.: Изд-во Моск. гос. автомоб.-дор. ин-та, 2002.

- ⁵ См.: Лазарева С.И., Сергеев О.И. Аспекты образовательного процесса российских эмигрантов в Китае в 20—40-е годы // Проблемы исторического образования в Восточной Азии: диалог преподавателей и ученых: Материалы междунар. науч. конф. Владивосток, 1999. С. 85—88; Горкавенко Н.Л., Гридина Н.П. Вклад российских эмигрантов в формирование системы высшего образования в Маньчжурии // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та, 2000. Вып. 4. С. 250—258; Василенко Н.А. Школьное образование в полосе отчуждения КВЖД (конец XIX в. — начало 30-х годов XX в.) // Российская эмиграция на Дальнем Востоке. Владивосток, 2000. С. 91—99; Еропкина О. Русские и китайские школы на КВЖД. 20-е годы // Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 3. С. 132—138; Мелихов Г.В. Российская эмиграция в Китае (1917—1924 гг.). М.: ИРИ РАН, 1997; Хисамудинов А.А. Следующая остановка — Китай: из истории русской эмиграции. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2003; Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае. М.: Рус. панорама, 2005 и др.
- ⁶ Экономический вестник Маньчжурии. 1923. № 23—24. С. 16.
- ⁷ Харбинская старина: Издание общества старожилов г. Харбина и Северной Маньчжурии. Харбин, 1936.
- ⁸ Там же. С. 59.
- ⁹ Никифоров Н.И. Русская историческая наука за рубежом // Однодневный выпуск ко Дню русской культуры 15 июня 1930 г. Харбин, 1930.
- ¹⁰ Там же. С. 20.
- ¹¹ Молчанов Л.А. Система социальной защиты российских эмигрантов в странах Европы (1920—1930-е гг.) // Социально-экономическая адаптация российских эмигрантов (конец XIX—XX в.): сб. ст. / под ред. Ю.А. Полякова, Г.Я. Тарле. М., 1999. С. 74—82.
- ¹² Программа «Союза учителей КВЖД». Харбин, 1920; См.: Печерица В.Ф. Духовная культура русской эмиграции в Китае. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1998. С. 230.
- ¹³ Весь Харбин: административный указатель. Харбин, 1925. С. 93—96.
- ¹⁴ Серапионова Е.П. Деятельность земских и городских объединений и комитетов за границей (1920—1930-е гг.) // Социально-экономическая адаптация российских эмигрантов (конец XIX—XX в.): сб. ст. / под ред. Ю.А. Полякова, Г.Я. Тарле. М., 1999. С. 61—74.
- ¹⁵ Весь Харбин... С. 93—101.
- ¹⁶ ГАХК. Ф. 830, оп. 2, д. 4, л. 31—34.
- ¹⁷ Там же. Ф. 1128, оп. 1, д. 105, л. 40.
- ¹⁸ Русское зарубежье: Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века: Энциклопед. биогр. словарь / редкол. В.П. Борисов и др. М.: РОССПЭН, 1997. С. 553—555.
- ¹⁹ Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия: История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920—1970). Paris, 1971. С. 110—111.
- ²⁰ Русское зарубежье... С. 251—252.
- ²¹ Там же. С. 296—299.
- ²² Там же.
- ²³ ГАХК. Ф. 830, оп. 2, д. 4, л. 11.
- ²⁴ Там же. Ф. 1128, оп. 1, д. 41, л. 62.
- ²⁵ Там же. Ф. 830, оп. 2, д. 4, л. 32.

SUMMARY: The author of the article “Russian Harbin as a Component of Scientific–Pedagogical Space of the Russian Abroad (the 20s—30s of the 20th c.)” Larisa Garaeva underlines the value of the heritage of the Russian emigration of “the first wave” and elucidates the general and specific features of the pedagogical activity of the Russian emigrants in Harbin.